

АРНЕ СВИНГЕН

БАЛЛАДА О СЛОМАННОМ НОСЕ



Арне Свинген

Баллада о сломанном носе

«Альбус Корвус»

2012

Свинген А.

Баллада о сломанном носе / А. Свинген — «Альбус Корвус»,
2012

ISBN 978-5-00114-106-8

«Баллада о сломанном носе» – это история 13-летнего подростка по имени Барт. Он занимается боксом потому, что так хочет мама. «Вырастешь и еще поблаговаришь меня за это», – часто повторяет она. На самом деле Барт обожает музыку и, пока никто не слышит, поет арии из опер. Его подруга Ада решает во что бы то ни стало прославить Барта и сделать так, чтобы он выступил на школьном празднике. Тут-то и начинаются настоящие сложности. В этой книге много смеха и слез, бокса и музыки, настоящей дружбы и школьной любви. Роман опубликован в 14 странах, в том числе, в США в издательстве Simon & Schuster. Норвежская студия Moskus Film приобрела права на его экранизацию.

ISBN 978-5-00114-106-8

© Свинген А., 2012
© Альбус Корвус, 2012

Содержание

Моя первая глава	6
Моя вторая глава	8
Моя третья глава	13
Моя четвертая глава	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Арне Свинген

Баллада о сломанном носе

Arne Svingen

Sangen om en brukket nese

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 2012

© Вера Дьяконова, перевод с норвежского, 2016

© Анастасия Наумова, перевод с норвежского, 2016

© ООО Издательство «Альбус корвус», издание на русском языке, 2017

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 2012 [All rights reserved.]

* * *

Моя первая глава

Ничего такого... Подумаешь! Просто лежу на полу. А ведь только что был на ногах! Мир кувыркнулся вверх тормашками. Но, кажется, на этот раз я держался молодцом. Такие удары всегда получаешь внезапно.

Предметы и стены дрожат, меня подташнивает.

– Все в порядке?

Я киваю, будто изнутри стиральной машины.

– Можешь встать?

Конечно. Только не сразу. Можно я немного полежу?..

– Я не нарочно.

Словно в плохо настроенном телевизоре, Кристиан расплывается у меня перед глазами. Ну разумеется, он не хотел так сильно двинуть.

Мне нравится Кристиан. Мне вообще все здесь нравится. Не удивлюсь, если и я им тоже.

– Дай ему передохнуть.

Это голос тренера. Он считает, что вера в успех двигает горами. И что у меня все получится, если я по-настоящему этого захочу. И я с ним согласен. Хотя сегодня что-то не очень... И наутро после тренировки тоже... И в школе... Особенно сомневаешься, когда вот так лежишь на спине и тебя тошнит.

Тренер с Кристианом помогают мне подняться.

– Отдохни, – советует тренер.

Не смея двинуть головой, тащусь к скамейке и сижу там, пока мир не перестает мерцать, вращаться и трястись.

– В боксе главное не сколько раз ты свалился, а сколько раз смог подняться, – замечает тренер, снимая с меня шлем и протягивая мешок со льдом.

– Ясное дело. Но, думаю, на сегодня с меня хватит.

– В среду увидимся?

– Еще бы!..

Кристиан хлопывает меня по плечу. Если бы он не жил на противоположном конце города, мы точно встречались бы каждый день после школы.

По дороге домой у меня начинает болеть под глазом. Понемногу проходит – ну вот, со зрением все в порядке. Я достаю наушники, включаю музыку и сразу забываю обо всем.

Вообще-то мне нравятся очень странные штуки. Например, блинчики с беконом. стакан холодного молока посреди ночи. Падающие звезды – только настоящие, а не те, что потом оказываются самолетом или НЛО. Воспоминания о чем-то давно забытом. Или купанье летним днем на опустевшем пляже.

И еще когда мама шепчет что-нибудь приятное и ее губы щекочут мне ухо. Правда, это случается все реже.

Но есть кое-что покруче. От чего все внутри горит. Будто кто-то включил в животе духовку на полную.

Это пение. Нет, не как у моих одноклассников в радио или в айподах. Я люблю голоса, сокрушающие стекла и заполняющие ушные раковины до краев. Иногда я забываюсь и сам пою на всю улицу. Это немного мучительно... и прекрасно.

Старый дом, в котором я живу, мог бы быть и получше. В подъезде вечно кто-нибудь ошивается. Но, если об этом не думать, можно не замечать.

Мамы нет дома. Сделав себе два бутерброда, я сажусь за уроки.

В дверь звонят.

В голове проносятся мамины слова: «Никогда не открывай незнакомым!»

В замочную скважину вижу дядьку в униформе с визиткой в руках. На ней слово «Хафслюнн» и фотка, слегка напоминающая типа за дверью.

Он звонит опять. Потом стучит. Очевидно, именно таким и нельзя открывать. Но визитка из твердого пластика, и сам он такой солидный, что я сдаюсь.

– Линда Нарум дома? – спрашивает он сквозь дверную цепочку.

– Нет, мама вышла.

– Я пришел отключать электричество.

Иногда мама опаздывает с оплатой счетов – это с каждым может случиться. Всех дел ведь не упомнишь, а про счета наверняка забыть легче всего.

Меня осеняет, что неплохо бы прикинуться умирающим.

– Не выйдет, – говорю я траурным голосом.

– Извини, парень. Но по-другому не бывает, когда вовсе не платят по счетам.

– Вы же не хотите, чтобы я умер?

И тут мой голос делается совершенно замогильным.

– Скоро лето, парень, поди не помрешь.

– Умру, – говорю я и делаю глубокий вдох, будто мне не хватает воздуха. – По ночам, чтобы не отдать концы, я сплю в кислородной палатке. А без электричества это невозможно.

«Хафслюнн» недоверчиво смотрит на меня.

– В кислородной палатке? – переспрашивает он.

– Ничего не поделаешь, заболевание легких... Хотите взглянуть на палатку? – Я напрягаю гортань и с присвистом выдыхаю.

– Ну... ты, парень, не того... не волнуйся. Я... мне не так уж обязательно отключать электричество именно сегодня. Но твоя мама должна оплатить счета.

– Вероятно, она просто об этом забывает.

– Годами?

Я пожимаю плечами. Чем больше нагородишь, тем легче запутаться. Нет у меня никакой палатки. И вовсе я не при смерти. И вообще, лгу редко. Ну, во всяком случае – не каждый день.

Честно говоря, куда ни глянь, все только и делают, что врут. Не скажешь же человеку: «У тебя омерзительная прическа...» Или: «Какого черта ты напялил эти уродские штаны?» Или вот еще так: «Ты поступил как дурак...» Нет, ничего такого не принято говорить в лицо. Я, по крайней мере, не говорю. Держу рот на замке и язык за зубами.

В городе жить без электричества – все равно что оказаться в чистом поле. Или в бронзовом веке. Маме про счета – ни слова. Расстроится...

А неплохо дома одному – можно немного посмотреть телек и потом лечь спать.

Вот только если быстро заснешь, то быстро и проснешься.

Открываю глаза – надо мной что-то шепчущая мама.

– Что-что? – бормочу я.

– Привет, малыш. Ты у меня такой славный, такой хороший.

– Ты тоже, мамочка.

Мы крепко обнимаемся. Я нравлюсь маме, правда. И она мне. Мама, продолжая меня нахваливать, тоже ложится спать. Я помогаю ей забраться на диван и расправляю на ней одеяло.

– Мальчик мой, ты такой замечательный, – говорит она, засыпая.

А где-то падают звезды. Я в этом совершенно уверен.

Моя вторая глава

Когда я просыпаюсь, мама лежит на спине с открытым ртом. Одеяло соскользнуло на пол. Я пытаюсь выбраться из кровати, чтобы его подобрать. Первым делом чувствую, как ноет глаз. Не очень сильно, но моргать лишний раз не стоит. Уже хорошо, что хотя бы предметы не пляшут... И я умудряюсь накрыть маму, не разбудив ее.

Сегодня я сам готовлю завтрак. Так бывает не каждый день. Иногда мама делает омлет и при этом так много говорит, что я перестаю ее слушать. К тому же я предпочитаю отправлять мысли куда подальше, пока на меня не обрушится день.

Хлеба удачно хватает и на завтрак, и на бутерброды с собой. Я пишу маме записку: «Надеюсь, ты хорошо выспалась. Нам нужно купить еды. Могу заскочить в магазин после школы. Люблю тебя. Барт».

Да, меня зовут Барт. Не на английский манер, с долгим «а». Нет. Меня зовут Барт, как по-норвежски называются усы, торчащие под носом шофера-дальнобойщика. И все вокруг именно так и выговаривают мое имя, хотя я назван в честь желтого человечка из «Симпсонов». Не то чтобы мы с мамой каждый день залипаем на «Симпсонах», но довольно часто на них щелкаем – все равно телек почти всегда включен. И каждый раз мама говорит, что назвала меня так не с бухты-барахты, а чтобы я вырос крутым чуваком, у которого все в жизни ладится.

– Но Барту всего десять лет, – напоминаю я.

– Когда-нибудь ему будет и тринадцать.

– Нет, не будет. Ему всегда десять.

По-моему, маме хотелось бы сына покруче. Вот потому я и хожу на бокс. «Вырастешь и еще поблагодаришь меня за это», – часто повторяет мама.

Я не собираюсь становиться боксером-профи – но вдруг кому-нибудь захочется вышибить из меня мозги? И тогда я буду маме благодарен. Вернее, это зависит от того, чем дело кончится.

Никакой я не Барт Симпсон. Возможно, меня надо было назвать иначе – но проехали.

Идти мне девять с половиной минут. Сегодня у меня в запасе целых одиннадцать.

У ворот школы я делаю глубокий вдох. Как говорится, новый день, новые возможности. Не все поговорки справедливы, но эта, по-моему, в самый раз. Ведь и правда никогда не угадаешь, что случится. Каждый день – словно сюрприз. Распакуй и узнаешь, что тебе подарили. Нужно только вдохнуть побольше кислорода и ступить на школьный двор.

Хотя, если честно, не всякая неожиданность желанна.

Не думайте, что в школе меня гнобят.

Вовсе нет: у меня нет прозвищ, никто не прячет мой пенал и не топит его в унитазе. И шуточек по моему поводу не отпускают.

Потому что в классе есть Бертрам. Да-да. Ему тоже не повезло с именем. Я немного сторонюсь Бертрама. Барт и Бертрам – согласитесь, смахивает на имена пары цирковых клоунов.

Над Бертрамом издеваются. Не то чтобы устраивают ему темные и спускают из окна на резинке от трусов. А так, по мелочам – учителя даже не замечают. Насмешки, подножки втихаря, пропажа пенала... Бертрам никогда не ябедничает. Просто бродит в одиночестве и наверняка не понимает, что в нем не так, – признаться, я тоже.

Хорошо бы помочь Бертраму, но как раз мне это совсем не под силу.

Я направляюсь к одноклассникам. Сгрудившись, мы обсуждаем, что видели по телевизору или нарыли в интернете.

– Что, в морду получил? – залюбовавшись на мой фингал, спрашивает один из них.

– Диванная травма, – отвечаю я.

Только не думайте, что за этим последует что-то вроде: «Диван напал?» или «А диван выжил?»

Нет, мы вовсе не такие близкие друзья для подобного диалога.

Никто в школе не знает, что я занимаюсь боксом. Никто в школе вообще обо мне толком ничего не знает. Когда однажды на уроке нам велели рассказать о своем хобби, я сказал, что собираю фотографии маньяков-убийц. Это неправда, но зато все заткнулись. Если бы я рассказал про бокс, могу поспорить – тут же нашлись бы желающие на перемене проверить эту новость.

В классе мы сидим по двое. Мне уже несколько недель везет. Моя соседка – Ада. Похоже, она самая нормальная девчонка в классе, по крайней мере в первой тройке таковых. У Ады ослепительная улыбка и белоснежные зубы.

Но не подумайте, что я до смерти в нее влюблен. Не успеешь что-нибудь хорошее сказать про девчонку, тут же всем видятся обнимашки-целовашки. Не стоит фантазировать. Я вовсе не собираюсь флиртовать с Адой. Мне не катит. Я знаю правила – не я их придумал. Мы даже друзьями не станем. Зато мы можем сидеть рядом на уроках.

– Привет! – бросаю я Аде.

– Привет, Барт.

Она слишком часто называет меня по имени. «Барт» в Адином исполнении превращается в какой-то тяжеленный камень. Боб или Рональдо звучало бы лучше.

– Вот я для тебя вырезала, – она протягивает распечатку из онлайн-газеты с фотографией какого-то типа с кустистыми бровями.

Его зовут Джо Хендерсон. Он убил как минимум четырех женщин, может, даже десяток. Ада уже не впервые приносит мне такие вырезки для коллекции маньяков.

– Круто. У меня такого нет.

Надо, наверное, следить, каких маньяков Ада мне уже приволокла. И я складываю их в отдельный конверт, подписанный ее именем. Он лежит дома под матрасом. Если мама найдет, придется долго объяснять, поэтому постельное белье я меняю сам.

Я сую распечатку в карман.

Ада занимается танцами. Но я не собираюсь дарить ей новые лосины.

Не стоит думать, что я нравлюсь Аде, раз она тащит мне фотографии убийц. Нет. У Ады есть парень. Она рассказывала о нем уже четыре раза. Он живет в каком-то городе, не помню названия, рядом с их дачей. Наверняка это старшеклассник.

– Я не поняла домашки по алгебре, – сообщает Ада.

Ну вот, началось. Думаю, в этом и кроется причина, по которой она носит мне распечатки с убийцами.

– Можешь списать, – отвечаю я и протягиваю ей свою тетрадь.

Ада справляется с этим быстро:

– Большое спасибо, Барт.

Наш учитель – длинношерстный горлопан по имени Эгиль – некогда был чемпионом Норвегии по мини-гольфу, а теперь стоит на кафедре с листком бумаги в руках и излучает энергию.

– Так, утомнитесь! У меня важное сообщение.

Кто-то из ребят в крайнем ряду продолжает болтать.

– Эй, мальчишки, слушайте! Как вы знаете, наш класс готовит программу для летнего концерта. Цель – превзойти все предыдущие выступления. В прошлом году нас с этим постигла настоящая катастрофа. Надо доказать, что мы можем по-другому – и уж точно победим «Б» класс! Всякий, кто хоть что-нибудь умеет, должен проявить активность. Мы составим фантастическую программу! Только, пожалуйста, не скромничайте.

– Я буду танцевать, – шепчет мне Ада.

– Здорово! – отзываюсь я.

– Тут на стене я повешу таблицу, куда вы можете вписать свое имя, – говорит учитель. – Смотрите, как симпатично получилось!

В этой жизни я в одном уверен на все сто: я не буду выступать на летнем празднике.

Урок – как часть мировой истории – одно из скучнейших ее мгновений. Самое увлекательное всегда происходит на переменах.

Иногда я оказываюсь на самом краю школьного двора. Не всегда понятно, каким образом, – просто бреду задумавшись и вдруг обнаруживаю возле себя забор. Здесь обитает Бертрам. Я оглядываюсь, но его поблизости не видать. И я поспешно устремляюсь к одноклассникам, обсуждающим предстоящий концерт.

Похоже, участвовать в нем собираются все без исключения. Как будто успех на летнем празднике обернется для них всемирной известностью.

– А ты что будешь делать, Барт? – Это мне.

Здесь следовало бы назвать по имени человека, задавшего мне вопрос, – но я его не помню. Вы скажете, что как-то странно не помнить имени своего одноклассника. Согласен, в этом есть доля правды.

Но, честно говоря, не такая уж между нами дружба: мы не спешим помочь друг другу и не общаемся после школы. Наша компания состоит из оказавшихся на обочине школьного мира, и, пока мы стоим вместе и болтаем, – мы его часть. Я назвал бы наш союз «страной безымянных», хотя вслух ничего подобного не произношу.

У каждого из нашей тусовки наверняка масса положительных качеств. Просто я недостаточно о них знаю. Доведись кому-нибудь из этих моих приятелей погибнуть в страшной аварии, я, разумеется, опечалился бы, но вряд ли пришел бы в отчаянье. Мне хватает других проблем в жизни. Может, я еще расскажу о них. Только не сейчас. Потому что сейчас все ждут моего ответа.

– Э-э... нет, – говорю я.

Никто не интересуется, почему «нет», и не уговаривает меня участвовать в какой-нибудь безумной затее. Все только кивают и продолжают трепаться. Они будут музицировать, жонглировать и показывать фокусы с йо-йо. Кажется, праздник получится на славу.

День в школе проходит как всегда – без поражений и побед. На большой перемене у меня рвутся по шву между ног брюки, но этого никто не замечает. Так что можно считать, что все в порядке.

По дороге из школы, едва я успеваю надеть наушники, рядом со мной откуда ни возьмись возникает Ада. Довольно странно – я и не подозревал, что нам по пути. Понятия не имею, где она живет, но никогда раньше ее здесь не встречал.

– Как штаны?

– Какие штаны? Эти? С ними что-то не так?

– Проехали. Что это ты слушаешь? – спрашивает она, кивая на наушники.

– Да так, всякое разное.

– Круто. Мне тоже разное нравится.

– Да, разное – это хорошо.

– Очень разное?

– Скорее разное, чем одинаковое, во всяком случае.

– Круто. А можно мне послушать... немного разного? Просто понять, насколько оно разное?

– Да... конечно.

Надо уметь держать удар – судя по всему, она хочет оценить широту моих музыкальных вкусов. Честно говоря, не знаю даже, как с этим справиться.

В кармане у меня лежит дряхлый mp3-плеер. Там полно огромных мужчин, поющих громкими голосами, – наверняка довольно однообразно на первый взгляд. Не думаю, что «разное» в Адином представлении относится к тем, от чьих голосов дрожат стекла.

– У меня аккумулятор сел, – говорю я, пошарив в кармане.

– Ну, может, мне хватит, чтобы хоть немножечко послушать?

Ну кто, кто, кроме меня, из моих ровесников слушает оперу?! Конечно, никто. Ладно, признаюсь, в больших количествах это тяжело. Там нет припевов и там много о смерти. Но я тащусь от голосов. Например, от баритонов, выводящих звуки так, что у меня уши потеют. Словно маслом смазанные голосовые связки, огромные легкие, мощные брюшные мышцы – и вдруг наружу вырывается сумасшедший звук.

Что же мне выбрать?

Я лихорадочно перебираю записи. И почему я только не загрузил нескольких лауреатов «Грэмми» или каких-нибудь исполнителей с канала «Дисней»? Но – поздно. Я нажимаю на кнопку у имени Брина Терфеля. Этот валлийский бык поет лучше всех на свете.

Ада надевает наушники, провод оказывается коротковат – мы идем слишком близко друг к другу.

В сущности, никакой катастрофы не случится, если она пустит по школе слух о том, что я слушаю оперу. Популярность мне это вряд ли принесет, но странности прибавит. Если приплюсовать к этому мою коллекцию маньяков, могу выглядеть крутым фриком. Но настоящая моя цель – быть как все: серым и незаметным. Правда, трудновато иной раз не сорваться.

Ада смотрит на меня. Ничего, кроме ужаса, насмешки или вопроса, не шутка ли это, я от нее не ожидаю.

– Круто!

– Что?

– КРУТО! – повторяет она очень громко.

Я киваю. Неужели она действительно так думает? Ада слушает еще немного и только потом снимает наушники.

– Вот это голос! – говорит она. – А что-нибудь другое у тебя есть на плеере?

Ну вот, приехали. Ну почему я на всякий случай не записал какую-нибудь Леди Гагу?!

– Возможно...

– Или тебе только такая музыка нравится?

– Нет, мне разное нравится. Но иногда... иногда классно бывает... такое. Ну, так, изредка.

– Тебе нравится только такая музыка, да?

В этом главная сложность с девчонками. Они все секут, даже когда нарочно темнишь. Это и пугает, и поражает одновременно.

– На самом деле да.

– А сам поешь? – спрашивает Ада.

Тут я и впрямь струхнул не на шутку. Понятия не имею, как так у девчонок получается, будто они читают в твоей душе, стоит только изменить выражение лица или открыть рот.

– Я?... Ну да, пою немного.

Ах, черт, недаром говорится: язык твой – враг твой. Потому что как раз об этом я никому никогда не собирался рассказывать. И, что меня здорово тревожит: Ада, похоже, уже все знает.

– Классно!

– Правда?

– Ну, сам посуди: что делают другие? Играют в футбол или в школьном оркестре. Знаешь, как много девчонок танцует? Да почти все! А ты – ты поешь оперу!

– Я не очень-то здорово умею...

– Да какая разница!

У меня перехватывает дыхание, хотя мы идем очень медленно.

– Можно послушать?

Я сбит с толку. Она что, серьезно?

– Э-э... – начинаю я и оглядываюсь.

Я не могу петь на улице – кажется, такое объяснение сойдет? Или сказать, что у меня болит горло?

Ада не дура. И, по-моему, я уже говорил: у нее ослепительная улыбка.

– Хочешь, сделаю для тебя запись? Мне проще петь под музыку, – отвечаю я.

И это, кстати, правда.

– Ладно. С удовольствием послушаю.

– Вечером запишу.

– Отлично. Я живу вон там, – она показывает куда-то за школу.

Я киваю и неловко машу рукой.

– Улыбайся почаще. У тебя красивая улыбка, – говорит она на прощанье.

Ада ушла, а я стою столбом. Что она имела в виду? У меня еще и улыбка красивая!.. Разве девчонки говорят такое мальчикам просто так, разве это не значит сто тысяч разных вещей, которых мне не понять? Слишком редко я улыбаюсь перед зеркалом, чтобы судить, как это у меня получается.

А в остальном... Роста я маленького. Не совсем коротышка, но еще пятнадцать-двадцать сантиметров не помешали бы. Волосы у меня темно-русые и очень короткие – стрижет меня мама. Глаза голубые, ни с морем, ни с небом не сравнишь – скорее с потертыми джинсами.

И вообще, по-моему, внешность у меня совершенно заурядная. Из тех, что сразу забываются, как только исчезают из поля зрения. Куда лучше, когда у тебя длинный нос или кроличьи зубы, – во всяком случае, на них задерживается взгляд. Впрочем, когда вырасту, можно сделать татуху в виде змеи, обвивающей горло. Хотя не очень-то это и стильно.

Я с силой втягиваю в себя воздух и направляюсь домой.

Прежде чем тронуться в путь, надо все же перевести дыхание...

Моя третья глава

– Что случилось с твоим прекрасным личиком?

Мама осматривает мой глаз.

– Тренировка, – объясняю я.

– Правда? Ну ничего, мой мальчик.

Она ерошит мне волосы.

На маме халат, который ей узковат.

– Ты еще дашь им сдачи, – с улыбкой говорит она.

– Наверное.

– Ты прирожденный боец, малыш.

Не знаю даже, что на это ответить, поэтому просто улыбаюсь. И она улыбается в ответ. Ничего страшного, что у нее нет одного нижнего зуба.

Наверное, теперь стоит описать маму и нашу квартиру, раз уж я рассказал, как выгляжу сам. Но иногда трудно подобрать правильные слова. Мама мягкая, как подушка, а квартира – чуть меньше замка. Сойдет?

– Я сегодня работаю в вечернюю смену, – сообщает мама.

– Отлично.

Иногда, когда мама работает в магазине по вечерам, она приносит домой просроченные продукты. Недавно, например, это было мясо на косточке и венские сосиски, и мы наелись до отвала. Вот только не приложу ума, как уговорить ее работать почаше.

– У меня нет для тебя обеда. Хочешь соленой соломки?

– Да я не очень-то голоден.

– Прости, но ничего другого нет.

– Ну тогда давай хотя бы соломки.

Дело не в том, что соломка противная, она очень даже вкусная. Но ею трудно насытиться. Кроме того, она соленая и воздушная. Так что живот у меня начинает болеть раньше, чем я утолю голод.

– Обещаю принести что-нибудь вкусненькое из магазина, – говорит мама.

– А если я засну к тому времени?

– Тогда съешь на завтрак.

– Отлично.

Это слово я говорю часто. «Отлично». Не потому, что все хорошо, а потому, что если все время говорить просто «окей», или «ну да», или вообще промолчать, то все кончится довольно печально.

– Здорово, что ты снова работаешь, – добавляю я.

– На этот раз у меня получится, обещаю.

– Отлично.

Ну вот, опять... Наверное, надо было сказать «не обещай слишком много» или «посмотрим». Только это не в моем стиле. К тому же от таких слов портится настроение. А плохое настроение не украшает жизнь.

– Бабушка завтра зайдет. Надо придумать, что мы ей скажем.

– Окей.

Я умолчал об электрике из «Хафслюнна», зато рассказал о предполагаемом концерте.

– Ты будешь выступать? – спрашивает мама.

– Нет.

– На этот раз я обязательно пойду смотреть.

– Отлично.

– Я серьезно, Барт. Ведь правда пойду.

Маме не особо нравится на школьных вечерах. Прекрасно понимаю почему. В конце концов, все люди разные. Но, если бы она хоть разок пришла, может быть, это помогло бы... А вот хочу ли я, чтобы она это сделала, – сложный вопрос.

Как только мама уходит, я включаю музыку, глубоко вздыхаю и начинаю распеваться. После нескольких попыток записываю себя на комп. Я, конечно, не прирожденный оперный певец, но пою чисто – иногда даже сам себе поражаюсь, прослушивая собственные записи. Я не очень хвастаюсь? Сорри!

Жаль, что мне не суждена сцена... Но кое с чем в жизни приходится смиряться.

Я записываю диск и вывожу на нем «АДЕ». Потом, решив, что это лишнее, записываю еще один. Потому что если «АДЕ», то это – подарок. А в моем случае это всего лишь доказательство. Я кладу диск в конверт и засовываю его в рюкзак.

Ада меня совершенно не интересует. И пусть никто не думает иначе, особенно сама Ада. У нее есть парень – старшеклассник из неведомого города, за сто верст от нашего.

Делая уроки, я ем соломку и пью воду. В дверь звонят, но на сей раз я не открываю. Даже не смотрю в глазок. Пора уже чему-то научиться. Снова звонят. Я делаю звук плеера громче, и музыка побеждает.

Около одиннадцати я ложусь, но в подъезде шумят, и я не сразу засыпаю. Когда я наконец проваливаюсь в сон, возвращается мама.

– Какой ты чудесный, мальчик мой, – говорит она и гладит меня по волосам.

– Угу, – бормочу я.

– Мне так стыдно, я вообще-то собиралась сразу пойти домой, но тут... Я не хотела.

– Все в порядке, мама.

– А еще я забыла всю еду. Положила пакет под стол...

– Ничего страшного.

– Мне правда очень стыдно, малыш. Ох, сынок, какой же ты у меня хороший...

Мама очень приятно поглаживает меня по голове. Иногда она присаживается на мою кровать и делает это долго. Если дышать ртом, не чувствуешь исходящего от нее запаха. Но мне нельзя засыпать, потому что мама сама не доберется до дивана.

– Ложись, – говорю я ей.

– Ты такой у меня славный, – повторяет она.

Я помогаю ей улечься и мгновенно засыпаю.

Понутру звонок будильника вырывает меня из сна, который невозможно вспомнить. Но он точно был хорошим. В этом я уверен.

Мама лежит на спине и громко храпит. Я доедаю соломку и отправляюсь в школу.

– Вот, – говорю я, протягивая конверт Аде, когда мы входим в класс.

Кажется, никто не обращает на нас внимания.

– Спасибо, Барт, – отвечает она тихо и улыбается, засовывая диск в рюкзак. – Послушаю дома.

– Не жди ничего особенного.

– А я жду! – Ада снова улыбается.

Я догадываюсь, что она шутит. Но делает она это так, что сбивает меня с толку, и я краснею. Даю ей сдуть домашку.

Даже не взглянув на таблицу, учитель Эгиль говорит, что хотел бы видеть в ней больше предполагаемых участников. Ада и еще несколько девочек будут танцевать хип-хоп. Другой наш одноклассник вызвался играть на скрипке, еще предполагается скетч или номер с йо-йо. Две девицы собираются подпевать песне Бейонсе, а Гейр-Уве – показывать фокусы, которые все уже сто раз видели.

– Любое предложение будет принято с благодарностью, – трижды возглашает Эгиль.

На перемене я стою с этим-как-его-там-зовут – даже удивительно, как трудно запомнить его имя.

– Вчера я играл в наикрутейшую игру, – сообщает он.

– Отлично...

– Не помню только, как называется. Там был чувак, которому надо было... нет, сначала ему надо... короче, начало офигенное. Там такой пейзаж, а потом подходит тип с мечом... Играл?

– Нет.

– Ну, просто офигенно! Просидел почти всю ночь.

Вот такие у нас разговоры. Может, стоило бы увлечься игрой с чуваком, вооруженным мечом?.. Но я очень редко играю. Не потому, что не хочу.

На школьном дворе слишком шумно, чтобы назвать паузу, возникшую в нашем диалоге, гнетущей. Однако любое мое сообщение не имеет шансов превзойти рассказ об «обалденном чуваке с мечом». А я мог бы кое о чем порассказать – ну, например, что мама будила меня ночью раз сто, чтобы сказать, как она меня любит. Но меня гложет смутное подозрение, что как-там-его-зовут вряд ли заинтересуется этим сюжетом.

– Сегодня тепло, – говорит он.

Я киваю, хотя на улице довольно прохладно.

И вдруг из ниоткуда возникает подкравшийся к нам Бертрам и встает рядом со мной. Так что мы выглядим как компания из трех человек. В нас с как-там-его-зовут включилась тревожная кнопка.

– Периодическая система – потрясающий пример классифицирующей таблицы, – выпаливаю я в надежде, что Бертрам не просечет, о чем мы говорили.

Но проблема в том, что как-там-его-зовут не врубается в ситуацию и озадаченно спрашивает:

– Ты это о чем?

Надо было ему подмигнуть, говоря про таблицу.

– Проехали.

– Я хотел... я только хотел спросить... – начинает Бертрам. Неужто он собирается сказать, что нам надо держаться друг друга, раз мы все на обочине? – Я только хотел спросить: не хотите ли вы почитать со мной рэп на празднике?

Этот вопрос должен немного повисеть в воздухе. Не потому, что я не знаю ответа, просто я вдруг начинаю сомневаться, правильно ли я расслышал.

Как-там-его-зовут реагирует первым:

– Мне мама не разрешает.

– Да ну? – удивляется Бертрам.

Мне тоже страшно интересно, куда гнет как-там-его-зовут.

– Да, она не хочет, чтобы я перебрался в гетто и расхаживал с огнестрельным оружием, – щеки его слегка розовеют при этом объяснении.

Бертрам взглядывает на меня. Как бы соврать получше?..

– Я на концерте буду петь соло.

– Ну ладно, – и Бертрам отходит от нас.

– Ты будешь петь на празднике? – спрашивает как-там-его-зовут, когда Бертрам уже нас не слышит.

– Нет, но надо же было как-то отмазаться. Между прочим, звучало убедительней, чем у тебя...

– А я вовсе и не врал. Мама действительно готова на все, лишь бы я не читал рэп. Она думает, что именно так превращаются в преступников и садятся на пособие.

– Пособие?.. – повторяю я и смеюсь чуть громче положенного. – Значит, на пособие... ага... – фиговый из меня артист.

– Бертрам читает рэп – с ума сойти!

– А если он прославится?

Мы замираем. Действительно, если Бертраму повезет и он прославится в школе как рэпер, нашим одноклассникам придется избрать себе новую жертву для травли. Таковы неписанные законы жизни. И мы с как-там-его-зовут до смерти пугаемся.

– Может, сходим куда-нибудь вместе после уроков? – вдруг предлагает он.

И внезапно я вспоминаю, что его зовут Юнас. Почему бы ему не стать моим лучшим другом? Ведь если у тебя есть друг, ты уже не изгой. Но для начала хорошо бы больше не забывать его имени.

Эта мысль утешает меня лишь на мгновение. Нет, исключено – как можно дружить, если нельзя позвать к себе в дом.

– К сожалению, вряд ли получится... Юнас.

– Меня зовут Браге.

– Я так и знал!

По счастью, раздался звонок. Такие разговоры – как катанье на коньках: оступаешься... и головой об лед.

После окончания занятий, чтобы никто за мной не увязался, я поскорее смотался. Натянул наушники на черепушку и врубил плеер.

Принародно распевать под него не стоит, подумают, что ты того... ку-ку. И я стараюсь следить за собой. Но и когда беззвучно разеваешь пасть, со стороны выглядит довольно странно – как будто ловишь ртом мух. Зато так очень хорошо разучиваются арии. Так что у моей жизни есть собственный саундтрек. Скучноватое кино – но под весьма драматичную музыку.

Мамы дома нет, и я стою посреди комнаты, распевая во все горло. Звонить, чтобы узнать, где она, я не могу по двум причинам. Во-первых, у меня нет и никогда не было мобильного. Во-вторых, мамина симка заблокирована.

Мой плеер был приобретен у Чарли-Подешевле. Он живет в нашем подъезде и большой спец по удачным покупкам. Комп за шестьсот крон тоже он нам продал. Сказал, что отдает так дешево только потому, что себе он добыл новый.

В бывшем компьютере Чарли оказалось полно фоток, но ни на одной из них не было его самого. Как-то полицейский, приходивший к нам в школу, говорил, что пользоваться краденым – то же, что украсть самому. В таком случае мы с мамой заплатили шесть сотен, чтобы стать ворами. «У этих людей есть деньги на новый компьютер», – сказала мама, когда мы рассматривали фотки. Действительно, те, у кого сперли этот комп, много ездили на юг, а в их саду стоял огромный батут. Но это не означает, по-моему, того, что им было не обидно лишиться всех этих фотографий. Поэтому я их загнал на несколько болванок, нашел адрес на отсканированном письме и выслал на него диски по почте. Хотя, может, и зря: у них ведь мог быть бэкап – кто знает... Все отпечатки пальцев с дисков и конверта я тщательно стер. Тюрьма не лучшее место для мамы, да и мне неохота выяснять, какие жилищные условия предлагает служба опеки.

Я подключаюсь к открытой сети кого-то из соседей и захожу в «Фейсбук». У меня в друзьях четверо с бокса и два фаната Симпсонов. В их жизни ничего особенного не происходит, да и я никогда не обновляю своих новостей.

Я ишу своего папу. Как всегда, на запрос вылезает восемьдесят шесть миллионов ссылок. Шансы, что на какой-то из них мой отец, весьма велики. Не знаю только, на какой. Папа – американец, и его зовут Джон Джонс. Больше мама ничего не хочет рассказывать. Да я и не уве-

рен, что ей кроме этого что-нибудь еще известно, потому что по-настоящему они и знакомы-то не были. Когда-нибудь я найду своего отца и попрошу свозить меня в «Юниверсал студиос» и другие тематические парки. Но пока мне недостает информации. Я не похож ни на одного из найденных мною Джонов Джонсов. В «Википедии» их семьдесят семь, многие уже покойники.

И сегодня, как всегда, я не обнаружил ни одного Джона Джонса, разыскивающего своего сына в Норвегии. Ну ничего – впереди еще несколько миллионов интернет-страниц.

Мама, задыхаясь, входит в квартиру, за ней идет бабушка.

– Привет, мой мальчик, – говорит бабушка и обнимает меня, обладавая запахом нафталина и сигарет.

– Привет, – отвечаю я через забившую мне рот ее блузку.

– Я так рада, что ты мне сегодня споешь, – с воодушевлением говорит бабушка.

– Да? – я взглядываю на маму.

– Тебе же надо репетировать перед публикой!

Мама бесчисленное количество раз слышала, как я распеваю в туалете. Там прекрасная акустика. Я запираю дверь, закрываю глаза и горланю во всю мочь. И все получается, хотя я знаю, что мама слышит меня. Маму порадует, если я спою для бабушки. И бабушка придет в неописуемый восторг. Я заранее польщен.

– Попробую.

Бабушка усаживается на диван и рассказывает о поездке на автобусе и о том, что вчера в кафе выиграла в лотерею. Мама распаковывает пакеты из «Бургер Кинга» и раскладывает еду по тарелкам. Комната наполняется приятным запахом. Один бургер – бабушке, два – мне и шесть – маме.

– Будет ли у нас песенка к обеду? – спрашивает мама с улыбкой.

Я закрываю глаза. Набираю воздуха. Представляю, что стою в туалете. И пою.

Кажется, начал я не очень здорово. Неудивительно – я не разогрел связки. Но получается все хуже и хуже. Я скриплю, как несмазанный механизм, и каждая нота сечет воздух взбесившейся газонокосилкой.

Несколько любопытствующих бабушкиных взглядов, и мои связки скручиваются узлом, словно мне в горло насыпали гравия. Не смею открыть глаза, чтобы не видеть бабушкиного печального взгляда. Она, конечно, как это умеют только любящие бабушки, скажет что-нибудь одобрительное – но это будет чистейшей, абсолютной ложью. Я замолкаю и в отчаянии окаменеваю посреди комнаты. Мой голос не предназначен для посторонних. Сорри.

Открываю глаза – никаких аплодисментов.

– Отлично, Барт, – говорит бабушка. – А теперь пора есть.

И, не погружаясь в трясину вранья, она с энтузиазмом продолжает:

– Гамбургеры выглядят очень аппетитно.

У меня умная бабушка.

Разумеется, моя мечта – стоять на сцене, упиваясь овациями и восторженными возгласами, что навряд ли возможно и чего, скорее всего, никогда не произойдет. Я давно научился смиряться с тем, что в жизни далеко не все случается так, как хочется. Только полные идиоты способны полагать, будто все будет прекрасно.

Я надеялся, что того, что произошло потом, не случится, – но тщетно... Бабушка всегда интересуется маминой работой в «Теленоре». Мы с мамой давно договорились, что там все отлично и мама успешно взбирается по карьерной лестнице. Несколько раз я по-английски гуглил «менеджера по работе с клиентами», чтобы выяснить, чем они занимаются. Но английских слов, содержавшихся в ответе на мой запрос, мы в школе не проходили, а «Гугл-переводчик» далеко не всегда выдает вразумительный текст. Тем не менее я выписал на бумажку несколько, на мой взгляд, внушительных выражений. Вот и теперь мама вдохновенно рассказы-

вает историю про своего коллегу, на празднике переодевшегося мобильным телефоном. Надеюсь, бабушка ни о чем не догадается.

– Мама очень хорошо анализирует голосовой трафик, – хвастаюсь я, когда мама замолкает.

И мама, и бабушка переводят взоры на меня. Я подглядываю в свою шпаргалку:

– Вот ты вчера говорила, что изучение активных пользователей интереснее, чем исправление обеспечений клиентских жалоб.

Бабушка вопросительно смотрит на маму – мне кажется, она улыбается. Мама реагирует на меня, как на грязь, прилипшую к подошве.

– Он, наверное, что-то не так понял, – говорит она бабушке.

– Да-да, отлично, что у тебя есть эта работа, – замечает та, – хотя у тебя и нет образования.

Тут бабушка оборачивается ко мне с очень странным выражением лица.

– Я очень горжусь мамой, – поспешно добавляю я.

Если бы мама сама посмотрела в интернете про «Теленор», мы смогли бы договориться о ее мнимых рабочих обязанностях там. Неужели бабушка и впрямь верит, что ее дочь занимается техобслуживанием сетей и руководит четырьмя подчиненными, из которых двоих зовут одним и тем же именем Берре?

– Это значит, что вы скоро переедете? – спрашивает бабушка.

– Разумеется, – отвечает мама.

В бабушкиных вопросах частенько сквозит некая странность – словно ей как-то грустно их задавать.

Мама просит нас доесть бургеры, а то они совсем остынут.

Пока мы продолжаем трапезу, бабушка рассказывает о своих приятных соседях. Я выпадаю из разговора и уже жду не дождусь, когда бабушка уйдет и я наконец смогу пописать в туалете.

После еды я ненадолго зависаю в интернете, пытаюсь найти что-нибудь о песнях, предназначенных лишь для моего собственного удовольствия. Читаю о том, что власти Филиппин штрафуют людей за недостаточно бодрое исполнение гимна, – ну, мне и это не помогло бы...

Приходится заняться какой-нибудь дурацкой игрой, чтобы только убить время.

Перед тем как уйти, бабушка обращается ко мне:

– Мама рассказала мне о вашем концерте. Я, пожалуй, приду, коль уж она сама допоздна задержится на работе.

– Отлично, – говорю я.

Бабушка всегда является на школьные мероприятия. И никогда не спрашивает, почему у мамы именно в эти дни полный аврал на службе.

– Вам что-нибудь нужно? – спрашивает она уже в дверях.

– Нет-нет, у нас все есть, – отвечает мама.

– Можно я дам Барту сотню на что-нибудь приятное?

– Не нужно, он только что получил карманные деньги на неделю.

– У тебя к туфле что-то прилипло, – я показываю на грязную бумажку на бабушкиной подошве.

– Ой, да, наверняка прицепилась где-то в подъезде... то есть на улице. Теперь их не моют. Видно, никого не волнует, как выглядит наш город.

– Да уж, в последнее время совсем плохо стало, – поддакивает мама.

После бабушкиного ухода мама валится на диван, и тот издает угрожающий скрип.

– Боже мой, как эта дамочка умеет достать!.. – вздыхает мама.

– А по-моему, она отличная.

– Я скоро дам тебе карманных денег, Барт. Но пособие придет только после двадцатого.

– Мне сейчас деньги ни на что не нужны.

Я запираюсь в туалете. Звуки выпеваются легко и свободно, я чувствую, как они поднимаются откуда-то из глубины легких и живота. Я кажусь себе слившимися в одно целое сиамами близнецами: один ранит слух, а другой поет, как райская птица. По-видимому, эти двое между собой никогда не договорятся.

Когда я выхожу, мама ласково гладит меня по спине.

– Не переживай, – говорит она, – петь только для себя тоже неплохо.

– Угу.

– Очень здорово слушать... через дверь.

– Мне надо на тренировку.

– Задай им жару!

Вес мухи – именно в эту категорию меня пытаются определить. Могли бы ее назвать и «весом комара». Это для тех, кто тянет на сорок восемь – пятьдесят один килограмм. Я – тридцать шесть с половиной. Достоинство малого веса в том, что можно быть очень стремительным. Так сказал тренер. Когда-нибудь я наверняка научусь пользоваться этим преимуществом.

– Отличная работа, Барт. Теперь сделай пятьдесят приседаний.

С тренером все в порядке. Он просто хочет, чтобы я мог противостоять другой мелочи с весом мухи. Иногда перед сном под одеялом я мечтаю все последующие годы расти, как одуванчик, и оказаться не меньше Мохаммеда Али, чтобы побеждать огромных противников из далеких стран. От подобных фантазий меня бросает в жар.

– Давай, Барт! Такой темп никуда не годится.

Бокс часто называют «благородным искусством самообороны». Но на самом деле все в основном сводится к тому, чтобы повалить противника.

– Отлично выкладываешься!

Ну вот – «отлично выкладываешься». Я часто выкладываюсь по полной, хотя этого почти всегда недостаточно.

Два раунда я прохожу в спарринге с Кристианом. Мы ровесники, но он на голову выше, и у него имеются кое-какие мускулы, чего я совершенно лишен. Он нормальный парень – мы боксируем слегка и Кристиан не пытается нокаутировать меня, пока тренер стоит к нам спиной.

На тренировке мы никогда не говорим о тех, кого бокс превратил в «овощ», – только о великих борцах, о героях, завоевывавших призовые пояса... которых не нацепишь ни на одни брюки.

– Как дела? – спрашивает Кристиан, когда мы садимся отдохнуть на пластиковые стулья у стены.

– Нормально.

– Глаз уже почти совсем в порядке.

– Да.

– Тебя в школе не доставали?

С Кристианом мы друзья только на «Фейсбуке», я о нем ничего не знаю. Вопрос его смахивает на апперкот.

– Да нет...

– Хорошо. Но, если будут, скажи мне.

– Ну да.

Вообще-то отличная идея: из ниоткуда возникает Кристиан и мочалит публику вроде Августа или Йонни.

Но, как говорит наш учитель, нахрапом поля не вспашешь. Положим, один раз сработает, но не может же Кристиан появляться в моей школе ежедневно...

Кристиан встает и принимается дубасить грушу. Я довольствуюсь выпадами в воздух.

– У тебя есть время? – спрашивает тренер в конце занятия.

Я тащусь за ним в офис и сажусь на обшарпанную табуретку. На стене висят черно-белые фотографии боксеров – Джорджа Формана, Шугар Рэя, Леонарда и, конечно, Али. Тренер считает Али величайшим боксером всех времен и народов.

Я утираю пот и снимаю перчатки. Тренер откидывается в кресле и изучающе смотрит на меня.

– Я хотел бы, чтобы все любили друг друга так же сильно, как любят меня. Тогда мир был бы куда лучше.

Я смотрю на тренера.

– Так сказал Али. Знаешь, он еще говорил, что хочет летать, как бабочка, и жалить, как пчела.

Это любимые цитаты тренера. Наверняка что-то подобное он говорит своим боксерам перед матчем.

– Синяк сегодня получше...

– Да.

– Знаешь, я тут подумал, Барт... Ты совершенно уверен, что хочешь заниматься боксом?

– Я же не пропускаю тренировок.

– Правда. И ты выкладываешься по-честному, тут никаких претензий. Я просто подумал... может, какой другой спорт тебе больше подойдет?

– Например?

– Вариантов бесконечно много. Может, прыжки с трамплина?

– Прыжки с трамплина?

– Да. Ты же очень худой. Или что-нибудь другое – керлинг, например.

Мама не будет в восторге, если я начну заниматься прыжками с трамплина или керлингом. Как видно, придется обороняться диском для керлинга. Вероятно, тренер таким образом решил дать мне понять, что до настоящего боксера мне как до луны. Но бросать мне никак нельзя – мама этого не перенесет.

– Разве мама не оплатила занятий? – спрашиваю я.

– Оплатила. Полностью.

– Но разве не говорил Мохаммед Али, что если ничего в этой жизни не пытаться сделать, то ничего и не добьешься?

– Ну да. Наверное, ты прав, – отвечает тренер.

– Мне нельзя сейчас сдаваться.

– Отличная позиция. Но бокс – это спорт, в котором нужно драться.

– В смысле? – переспрашиваю я, делая вид, будто не понимаю, куда он клонит.

– А ты не дерешься.

– Но ведь у меня хорошая защита.

– Это прекрасно. Но время от времени нужно самому наносить удары.

– А что, если... я скоро начну?

– Это было бы, безусловно, кстати. Так ты не хочешь ничего другого попробовать? Гандбол, по-моему, прекрасный вид спорта.

– Мне нравится бокс.

– Великолепно! Это отличный спорт. Я очень рад, что тебе нравится бокс.

Тренеры должны помогать своим ученикам, а не уговаривать их заниматься другим видом спорта – я едва удерживаюсь, чтобы не сказать этого вслух.

– Замечательно. Хорошо, что мы договорились, – в результате произношу я.

– Значит, ты скоро начнешь драться?

– Да, вот-вот.

Из кабинета тренера я иду переодеться в гардероб. Разумеется, я знаю, что он прав. Бой получается неравным, если один из соперников даже не пытается бить. Но однажды тренер

рассказывал о поединке между Мохаммедом Али и Джорджем Форманом, состоявшемся где-то в Африке. Али вымотал Формана, танцуя вокруг ринга и избегая его ударов. Когда Форман совсем изнемог, Али включил толчок и чуть не выбил своего соперника с ринга.

Я еще до таких высот не дошел, но я туда доберусь. Так мне кажется.

Мама осталась вечером дома, и мы смотрим по телевизору документальный фильм о самой высокой в мире женщине. Она живет в Китае и проводит в кровати большую часть дня. Такая информация как-то не очень поднимает настроение.

Укладываясь, я думаю, что не стоило давать Аде диск. Следовало хотя бы взять с нее слово, что она никому не поставит слушать мою запись. Я так злюсь на себя, что никак не могу уснуть, пока мама не отрубается под орущий телевизор. Выключив его, я лежу и слушаю лесопилку, гудящую у мамы во рту. Где-то в глубине моей души растет беспокойство – будто я сделал что-то такое, последствия чего непредсказуемы.

Не успев подумать о звездном дожде, самолете или НЛО, я засыпаю.

Моя четвертая глава

Мама встает одновременно со мной. На завтрак она готовит блины – давненько их не бывало. Ничего, что у нас нет ни сахара, ни сиропа, зато есть бекон. И он хрустит на зубах.

– Вот тебе двадцать крон на обед, – говорит мама и сует мне в руку монетку.

Я уже несколько раз ей объяснял, что в школе не продают обедов и что никому нельзя уходить со школьного двора. Но все равно приятно.

– Спасибо.

В школе еще до звонка Ада подходит ко мне.

– Это правда ты поешь?

Можно сказать, я получаю неожиданную возможность соврать и выпутаться из всей этой истории, например сказав, что нашел эту запись в Сети и выдал ее за свою. Или замести следы и признаться, что я все выдумал, чтобы произвести на Аду впечатление. Или рассмеяться и спросить, неужели она и вправду решила, что я на такое способен...

Но искреннее восхищение Ады останавливает меня.

– Да, это... я.

– Тебе надо выступить на празднике!

Ну вот, так я и предполагал – поэтому заранее и придумал разные болезни и оправдания, чтобы меня больше не доставали никакими уговорами. Но теперь не могу заставить себя выдать что-нибудь в этом роде. Не знаю, является ли нежелание достаточным поводом для отказа, но это лучшая полуправда, до которой я могу додуматься.

– Мне не хочется...

– Да ты просто должен! Народ с ума сойдет от восторга!

– Было бы очень неплохо, чтобы ты никому об этом не рассказывала.

– Неужели мне не удастся уговорить тебя? – с улыбкой спрашивает Ада.

На мгновение меня так и подмывает сказать ей: «Вовсе нет! Уж коли ты так ласкова со мной и так ослепительно мне улыбаешься, может, я и соглашусь». Но так дело не пойдет. Может разразиться скандал, и Ада навсегда перестанет меня замечать. Я качаю головой.

– Извини, но верни мне, пожалуйста, диск.

– Я хотела бы послушать еще...

– Ты же его никому больше не поставишь?

– Хорошо, не поставлю... Хотя это было бы круто!

– Понимаешь, мне надо бы дать его моей бабушке...

Возможно, я не вру – почему бы действительно не доставить бабушке это удовольствие, чтобы она знала, что я все же кое на что способен...

Мы все еще стоим во дворе. Вот досада, что так долго нет звонка!.. «Страна безымянных» жмется неподалеку и поглядывает в мою сторону. Ада машет каким-то подружкам, но те не подходят. И зачем она только стоит тут со мной?

– А для меня ты как-нибудь споешь? – неожиданно спрашивает Ада.

– Тогда тебе придется купить беруши.

– Ты смешной, Барт.

– Можешь еще как-нибудь пойти со мной на бокс.

Ада заливисто смеется:

– Ты занимаешься боксом, да? С ума сойти. Представляю себе!

Я не собираюсь убеждать Аду в том, что на самом деле хожу на тренировки, но мне очень хочется, чтобы она перестала так хохотать.

Ада тем временем принимается рассказывать, что у Лисе из нашего класса был парень-боксер. Только не надо об этом никому рассказывать.

Зачем она мне это говорит?

И для чего-то сообщает, что Лисе нравятся мускулистые ребята. Наверное, это тоже секрет.

Наконец-то раздается звонок, и мы идем в класс. В моем животе, словно в него подбрасывают бумагу и сухой хворост, бушует пламя.

Никогда не смогу рассказать, что происходило на уроке. Мой мозг отправился в далекое путешествие и не возвращался до самого звонка. Мне нравится бездельничать на уроках, но из-за этого потом приходится попотеть с домашкой.

На следующем уроке предполагается репетиция праздника. Кто в ней не участвует, идет заниматься физрой. Я натягиваю кроссовки.

На перемене, после нескольких раундов бэнди и игры в пушечное ядро, я замечаю, как что-то изменилось. Такое ощущение, что я флуоресцирую или у меня на лице появилась экзема. Несколько крутых парней приветственно кивают мне так, будто мы старые друзья.

Что-то произошло во время занятий физрой, и это явно не имеет никакого отношения к игре в пушечное ядро.

Я замечаю Аду. Она выглядит очень несчастной. Как будто сделала именно то, чего я просил ее не делать. Страх пронзает меня насквозь.

Мы входим в класс, и, когда я спрашиваю, как прошла репетиция, не взглянув на меня, Ада отвечает:

– Хорошо.

У Ады длинные темно-русые волосы и прямой, будто вычерченный по линейке, нос. Глаза карие, цвета кожаной сумки нашего учителя, а ее улыбка может растопить даже айсберг. Но сейчас это излучение надежно скрыто.

В класс входит учитель и тут же принимается говорить о концерте. Он совершенно поражен нашим «А» классом, где, оказывается, целое созвездие самых разнообразных творческих дарований.

– Прекрасно, что записалось так много желающих принять участие в концерте, – говорит он и выдерживает небольшую паузу. – Я хочу сказать, что скромность – тоже добродетель. Мы все очень не уверены в своих способностях. Однако когда у человека талант, его не так-то легко скрыть. Талант – это особая сила. Рано или поздно он одолеет любые препятствия.

И снова пауза. Тут я понимаю, что учитель в упор смотрит на меня. И этот взгляд красноречивей всех его туповатых фраз.

– Барт, – продолжает учитель, – я очень хочу, чтобы ты спел на празднике.

Теперь все тарашатся на меня. Я смотрю на Аду, которая уставилась в парту.

Понимаю, учитель хочет превосходной программы, чтобы все следующее полугодие согреться в лучах ее славы. Остальные мечтают переплюнуть «бэшк».

В такой ситуации не соврать невозможно. Хорошо бы иметь заранее заготовленный ответ, чтобы опередить учительские рулады. Но...

– Э-э, – мямлю я, пытаюсь выкрутиться, – э-э, вообще-то это не очень-то получится.

Честно говоря, я не дал себе труда заранее подумать о том, как поступить в таком случае. «Это не очень-то получится»? А что, собственно, я собираюсь делать? Спешу на аудиенцию с королем?

Учитель задумчиво уставился в потолок и продолжает:

– Я хочу... то есть мы хотим, чтобы твое выступление завершило программу. Ты поешь по-настоящему... Да, я под большим впечатлением, Барт.

Ада все еще рассматривает пятно на парте.

Должны же, наконец, прийти мне в голову волшебные слова, которые избавят меня от этого испытания!..

Череп трещит от мыслей. Мозг пытается найти синоним к слову «нет!». Оно вбирает в себя все, что я хочу сейчас сказать – громко, четко, с восклицательным знаком в конце.

– Я мог бы... выступить, – наконец выдавливаю я из себя.

– Прекрасно! Восхитительно, Барт! Я просто счастлив!

Любопытно, будет ли он так же счастлив, когда я запорю свое выступление и полностью загублю всю затею с концертом?

Дальше мы выслушиваем, какой у нас замечательный класс. И о том, что, хотя школа была основана в 1910 году и сам Эгиль проработал в ней всего три года, он точно знает, что это будет лучший концерт в школьных анналах. Во всяком случае, мы превзойдем «Б» класс!

Странно, но я не злюсь на Аду, хотя, по идее, должен был смертельно обидеться и прийти в ярость. Я даже больше раздражен собой – что не злюсь.

На перемене ко мне подходят люди, с которыми я едва ли когда-нибудь перекинулся хотя бы словом.

– Учитель поставил для всех твой диск, – сообщает мне Август, один из тех, кто чаще всего норовит пихнуть Бертрама. – Ну ты просто суперкрутан!

– Не уверен.

– Да «бэшки» просто отдыхают!

Почему всегда и во всем необходима конкуренция? Почему мы не можем просто постараться изо всех сил, надеясь, что публике понравится? Подобные вопросы я задаю себе мысленно. Посмей я спросить об этом вслух, мне пришлось бы несладко.

Надо что-то срочно придумать, чтобы отмазаться от этого выступления в конце программы! Отговариваться тем, что я заболел или потерял голос, не годится. Лучше всего было бы, если бы меня похитили или госпитализировали, но такой поворот событий весьма сомнителен.

– Как ты думаешь, Барт, каков будет ответ? – стоя у доски, спрашивает учитель на следующем уроке.

– Э-э, – начинаю я, совершенно не представляя, о чем идет речь и какой сейчас урок. – Извините, но я ни о чем не могу думать, кроме предстоящего выступления, – признаюсь я.

– Ладно, Барт. Хорошо. Продолжай. Спрошу кого-нибудь другого.

Вот что значит отправить себя в нокаут!

После урока я первым выхожу из класса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.